

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА

Е. Ю. НАЗАРЕНКО

*Воронежский
государственный
университет*

*e-mail:
enazarenko.vrn@mail.ru*

Статья посвящена становлению и развитию религиозных взглядов Александра Николаевича Голицына, на протяжении двадцати лет в период правления Александра I являвшегося ключевой фигурой в сфере управления церковными организациями. Показано, что в разные периоды определяющими концепциями для религиозных взглядов князя были: философия Просвещения, учение Православной Церкви, и, наконец, универсальное мистическое христианство. В статье подробно проанализированы различные элементы мировоззрения Голицына, и показано, какое влияние мистические взгляды князя оказали на его государственную деятельность.

Ключевые слова: православие, мистицизм, квиетизм, пиетизм, экуменизм, эсхатология, Святейший Синод, министерство духовных дел и народного просвещения.

В начале XIX века религиозный вопрос на некоторое время вышел из числа второстепенных и приобрел большое значение. Данный феномен был обусловлен рядом факторов. Создание нового аппарата управления Российской империи, расширение границ страны за счет территорий, население которых было поликонфессиональным – все это способствовало поиску новых алгоритмов взаимодействия государства и церковных организаций. Также актуализации религиозного дискурса способствовало значительное разочарование в просветительском проекте, который ранее преобладал в умонастроениях российского образованного общества.

Князь Александр Николаевич Голицын был человеком, наиболее полно воплотившим в себе эти тенденции. Эволюция его религиозных взглядов была весьма типична для того времени, наполненного мистическими предчувствиями и ожиданиями. Отличительной особенностью князя было то, что он более 20 лет был ключевой фигурой в управлении религиозными организациями. Поначалу он (с 1803 г.) в качестве обер-прокурора Св. Синода был занят руководством господствующим вероисповеданием – православием. С 1810 г. к этим обязанностям добавилось руководство новообразованным Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий, в котором осуществлялся надзор над делами всех официально признанных неправославных конфессий (за исключением буддизма). Наконец, в 1817 г. все вышеперечисленные функции перешли в ведение министерства духовных дел и народного просвещения, которое, опять же, возглавил А. Н. Голицын. Этот пост он занимал до 1824 г.

Религиозные взгляды князя в значительной степени зависели от его государственной деятельности. В то же время, справедливо и обратное утверждение – государственная деятельность князя испытала на себе огромное, определяющее влияние тех религиозных концепций, которыми Голицын вдохновлялся. В настоящей статье мы рассматриваем основные вехи в религиозной эволюции этого видного политика Александровской эпохи.

Этот сюжет ранее становился объектом анализа исследователей. В частности, им посвящали свое внимание дореволюционный исследователь В. В. Шереметевский, а из современных историков – Ю. Е. Кондаков. Несмотря на это, некоторые аспекты этой темы нуждаются в корректировке.

Прежде всего, биографы А. Н. Голицына нередко упускают из внимания тот факт, что князь, не получивший подлинной научной подготовки, не обладал строгостью и системностью мышления. Поэтому о переменах во взглядах князя зачастую следует говорить с известной долей условности.

Так, практически общепринятой является трактовка, согласно которой в молодые годы А. Н. Голицын являлся твердым сторонником «неверственной школы XVIII века»¹,

¹ Шереметевский В. В. Голицын князь Александр Николаевич // Русский биографический словарь. Гоголь–Гюне. М., 2001. С. 81

т. е. философии Просвещения. Действительно, для подобной точки зрения есть основания. Если верить воспоминаниям А. Н. Голицына, в родительском доме, в котором он провел первые десять лет жизни и о котором впоследствии вспоминал без удовольствия, «все было по указаниям религии»², вследствие чего в юношеские годы, когда князь обучался в Пажеском корпусе, «религия ... делается ему ненавистною»³. Молодой А. Н. Голицын имел у современников репутацию остроумного, но при этом легковесного человека, любителя светских увеселений. Вспоминая о ранних временах своей жизни уже на склоне лет, князь повествует о том, что тогда он «разливался в саркастических намеках и колких замечаниях на все, что ни попадалось ... под руку»⁴. Нередко он насмехался и над христианством, за что впоследствии себя корил.

Однако религиозные взгляды А. Н. Голицына в ранний период далеко не столь однозначны. Просветительская идеология была воспринята им на поверхностном уровне, и сквозь нее прорывались другие, вероятнее всего, воспринятые в детские годы элементы. Особенно это проявилось во время вынужденного пребывания князя в Москве в 1797 – 1801 гг., когда он находился в опале у императора Павла I. Известно, что князь в этот период жил весьма уединенно, значительную часть времени уделяя самообразованию. По свидетельству Н. С. Голицына, в его круг входил митрополит московский Платон (Левшин)⁵. Общение с митрополитом Платоном может служить доказательством того, что А. Н. Голицын не был чужд духовных поисков и в молодые годы. У нас нет возможности выяснить, о чем они говорили и насколько эти беседы повлияли на мировоззрение князя. Но сам факт таких разговоров свидетельствует о том, что молодой А. Н. Голицын не был вовсе глух к религиозным вопросам. Подтверждение этому есть в воспоминаниях Ф. Ф. Вигеля, в которых говорится, что князь был с юных лет склонен к набожности⁶.

Когда в 1803 г. Александр I решил назначить князя обер-прокурором Св. Синода, тот, не считая себя достойным занимать эту должность, поначалу хотел от нее отказаться. То, что не лишенный религиозных запросов Голицын подобным образом воспринял возможную перемену в своей деятельности, свидетельствует только об одном – он считал свою веру слишком нетвердой, а свой моральный облик – чрезмерно низким, чтобы занимать этот пост. И после того, как император уговорил князя стать обер-прокурором, на него еще долгое время «грусть могильную»⁷ навевала и обстановка, в которой он служил, и «чернецы в мрачнейших своих рясах»⁸, с которыми он сотрудничал. А. Н. Голицын мучительно переживал несоответствие между занимаемой им должностью руководителя духовного ведомства и собственным образом жизни: «Иногда в чаду молодого разгулья, в тесном кругу тогдашних прелестниц, я внутренне любил смеяться своей странной случайности, мне очень тогда казалось забавно, что эти продажные фрейлины никак не соображали, что у них на этот раз гостит обер-прокурор святейшего синода»⁹. Несмотря на это, в первые годы после начала работы в церковном ведомстве князь Голицын не собирался изменять тому образу жизни, к которому он привык, вспоминая, что «хотя и ездил в Синод, но сердце мое не переменилось»¹⁰.

Однако подспудно в его мировоззрении происходят перемены. Митрополит Московскому Филарет (Дроздов) впоследствии утверждал, что князь Голицын обратился к христианской вере непосредственно под воздействием членов Св. Синода. По долгу службы ему приходилось читать Евангелие, а также материалы, связанные с вероучением церкви¹¹. Впоследствии князь самокритично назовет свою веру тех лет «слабой и наружной»¹², «неопытной и безыскусственной»¹³.

² Голицын А. Н. Воспоминания: Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Кн. 2. №3. С. 318.

³ Там же.

⁴ Голицын А. Н. Воспоминания: Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Кн. 2. №5. С. 74.

⁵ Голицын Н. С. Загробные записки князя Н. С. Голицына из сказаний дяди его, Александра Николаевича // Русский Архив. 1905. № 12. С. 78 – 86.

⁶ Вигель Ф. Ф. Записки // Арзамас. Т. 1. С. 81.

⁷ Голицын А. Н. Указ. соч. С. 76.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же.

¹³ Там же.

В этой своей характеристике Голицын был весьма близок к истине: существует множество подтверждений его религиозного невежества. Так, сетуя на то, что архиереями могли становиться только представители монашества, А. Н. Голицын говорил о том, что «это, наверное, какой-нибудь пьяный Патриарх установил»¹⁴, что свидетельствует о его крайне плохом знании церковной истории. Учитывая это, для А. Н. Голицына было непросто вникнуть в суть учения православной церкви. Именно поэтому для него были столь важны внешние формы религиозности – в эти годы он «отбросил мягкий пуховик и стал спать на узкой деревянной лавке ... В спальню же ... выбрал комнату сырую»¹⁵. Также он стал меньше, чем прежде, посещать театры и прочие увеселительные заведения¹⁶. Его подстегивало сознание собственного несоответствия идеалам христианства.

Однако период увлечения православием продолжался недолго. Неукорененность А. Н. Голицына в восточнохристианской традиции привела его к тому, что он увлекся европейским мистицизмом. Здесь следует отметить, что ориентированность российской аристократии на западную мистическую традицию было частным случаем того, что со времен Петра I дворянство было оторвано от традиционной, основанной на византийской, традиции, и впитывало в себя почти исключительно европейские социокультурные образцы. Таким образом, православие, культурные коды которого оказались далеки от типичного представителя русского образованного общества, было мало востребованным в России XVIII – начала XIX веков. Духовные поиски представителей русской культурной и политической элиты определялись совсем другими направлениями.

В течение XVIII века это были философские идеи Просвещения, основой которого была вера в безграничность возможностей человеческого разума. Однако в начале XIX века под влиянием кровавых событий Французской революции и диктатуры Наполеона у определенной части общества происходит разочарование в этих идеях. Возникает потребность в религиозной жизни, которая нередко находила выход в увлечении мистическими доктринами Европы.

В религиоведении под мистицизмом обыкновенно понимается комплекс представлений о существовании трансцендентной реальности, недоступной для созерцания с помощью человеческих органов чувств. Мистицизм лежит в основе всех развитых религиозных систем¹⁷.

Необходимо отметить, что в православии мистический компонент всегда был значителен и важен. Выдающийся православный богослов В. Н. Лосский писал об этом, что «Восточное предание никогда не проводило резкого различия между мистикой и богословием, между личным опытом познания Божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью»¹⁸. Несмотря на это, представители образованного российского общества, как правило, испытывали на себе влияние именно протестантской традиции. В значительной степени это было обусловлено тем, что, по словам С. С. Хоружего, мистицизм православной церкви говорил на своем языке, мало снисходя к потребностям других людей, которые, к тому же, были воспитаны французскими гувернерами¹⁹. В значительной степени именно поэтому, по словам И. А. Чистовича, «русские люди жаждали живой проповеди, и, не находя ее в храмах, увлекались в иностранные церкви»²⁰.

Еще одной причиной поиска истины в мистических концепциях Запада было то, что, «основываясь на внутреннем духовном опыте и ища откровения воли Божией не вне себя и не внешним путем, а во внутреннем голосе сердца, ... мистик, неизбежно, выходит из подчинения внешнему церковному авторитету, или, сохраняя уважение к нему, считает церковные таинства, установления и вообще всю внешнюю церковную обрядность

¹⁴ Геце П. П. Из записок Петра Петровича фон Геце «Князь Голицын и его время» // Русский архив. 1902. Кн. 3. С. 103.

¹⁵ Голицын А. Н. Указ. соч. С. 69.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.

¹⁸ Лосский В. Н. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ См.: Хоружий С. С. О старом и новом. СПб., 2000.

²⁰ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. С. 113.

только символами, которые сами по себе не имеют значения»²¹. В этом смысле те мистические учения, которые были в то время распространены в России, давали их приверженцам большую степень свободы от внешних установок и обрядов.

Необходимо также отметить, что традиция, которую можно условно назвать «мистической», к началу XIX века уже не была новым явлением для духовной жизни России. Основными распространителями мистических и оккультных знаний были представители масонства. В 80-е гг. XVIII века в Москве существовала группа розенкрейцеров во главе с Н. И. Новиковым и И. -Г. Шварцем. В начале XIX века их дело продолжал досточтимый мастер ложи «Умиравший сфинкс» А. Ф. Лабзин, который занимался переводом и изданием сочинений авторов европейской духовной литературы²². В 1806-1807 гг. ему позволили издавать журнал «Сионский вестник», в котором он излагал свои взгляды²³. Политически А. Ф. Лабзин, как впоследствии и А. Н. Голицын принадлежал к умеренно-консервативному крылу²⁴.

Данная традиция оказала мощное воздействие на князя А. Н. Голицына. Основным посредником между ним и различными сообществами мистиков был Р. А. Кошелев, с 1811 г. и вплоть до своей смерти в 1827 г. являвшийся для А. Н. Голицына не только политическим союзником, но и ближайшим другом и единомышленником. В 1810 г. Р. А. Кошелев ввел князя в парамасонский кружок А. А. Ленивцева и Н. А. Плещеевой, которые были последователями «Авиньонского общества» известного польского мистика графа Т. Лещиц-Грабянки²⁵. После общения с А. А. Ленивцевым А. Н. Голицын, по его словам, «начал постигать, что в многообразии мира наружного скрывается еще более многообразный мир внутренний ... и эта жизнь пластическая, эта жизнь наглядных ощущений человеческих есть только скудная покрывка, облекающая по наружности и сокрывающая великие, богатые и дивные тайны неведомого шествия существа внутреннего, мирового, вечного»²⁶. После этого князь начал под руководством своих наставников серьезно изучать сочинения европейских мистиков. К началу 1810-х гг. религиозные воззрения Голицына были сформированы.

Можно выделить несколько направлений европейской религиозной мысли, которые оказали наибольшее воздействие на религиозных взглядов князя. Значительное влияние на него религиозные деятели, принадлежавшие к мистическому направлению в католичестве – квиетизму: Ф. Фенелон, Ж. Гюйон, М. де Молинос. Отличительным признаком квиетизма является учение о необходимости пассивного восприятия человеком Божественного начала. В записках князя идея подчинения себя божьей воле является одной из наиболее часто встречаемых. Он писал, что «в больших искушениях сердца надобно не размышляя обратиться сердцем ... к Богу, прося его милости, как дитя, увидя чудовище, бросается в объятия своей матери»²⁷. По мнению А. Н. Голицына, «Бог только требует нашего согласия, и, увидя волю нашу, готов всеминутно споспешествовать оной»²⁸, поэтому нужно «покориться Его воле в совершенной простоте сердца, сознаться в том, что все что мы можем делать доброго, происходит от Него Единого и в таковом случае не считать себя иначе как орудиями Его»²⁹.

Другой характерной чертой мировоззрения князя, логически вытекающей из его представлений о взаимоотношениях человека и Бога, был скептицизм по отношению к возможностям человеческого разума. Он считал, что нельзя анализировать то, «что выше

²¹ Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 153.

²² См.: Галахов А. Д. Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 11. С. 94.

²³ См.: Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты: А. Ф. Лабзин и его журнал «Сионский вестник» // Русская старина. 1894. № 12. С. 202. С. 120.

²⁴ См.: Минаков А. Ю. Правое масонство и русский консерватизм первой четверти XIX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13 (84). Вып. 15. С. 123 – 130.

²⁵ См.: Кондаков Ю. Е. Розенкрейцеры, мартинисты и внутренние христиане в России конца XVIII – первой четверти XIX века. СПб., 2011.

²⁶ Голицын А. Н. Указ. соч. С. 89.

²⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 203. Д. 13. Л. 6 об. – 7.

²⁸ Там же. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 2 об.

разума», поскольку там, «где положена преграда Всевышним, ... уже надобно верить»³⁰. Взгляды на науку были тем элементом мировоззрения А. Н. Голицына, в котором он сходил с представителями общественной группы, которую А. Ю. Минаков обозначил как «масонских консерваторов»³¹.

Влияние протестантских мистиков на мировоззрение А. Н. Голицына, также было значительным. Среди этих мыслителей наиболее выдающимися были жившие в XVII – XVIII веках немец Я. Беме и швед Э. Сведенборг. Данная традиция была неразрывно связана с таким направлением протестантизма, как пиетизм, который зародился в Германии XVII веке. А в XVIII веке на основе пиетизма было создано действовавшее в Баварии и других южных германских землях движение Пробужденных. С этим движением связан едва ли не важнейший компонент мировоззрения А. Н. Голицына – эсхатологизм. Под этим термином понимается вера в скорое второе пришествие Иисуса Христа на землю. Немецкий религиозный деятель И. -Г. Юнг-Штиллинг, изучив Апокалипсис, пришел к выводу, что это событие совершится между 1816 и 1836 г. Также он верил в то, что после этого события на земле наступит тысячелетнее Царство Божие, предполагающее социальная гармонию и мир³². С Антихристом Юнг-Штиллинг отождествлял Наполеона Бонапарта. Известно, что А. Н. Голицын общался с Юнг-Штиллингом и воспринимал его идеи. Подобно немецкому пророку, князь считал, что живет в переломную эпоху, когда борьба добра со злом «делается всеобщей»³³. Он полагал, что не за горами то время, когда «оболочка, прикрывающая добро и зло, исчезнет и ... тогда добро со злом соприкоснутся... Тогда надо ждать Разделителя, т. е. Христа, для торжества добра»³⁴.

Еще одной узловой точкой взглядов Голицына был экуменизм, т. е. стремление к объединению христианских конфессий. Экуменические тенденции напрямую связаны с концепцией внутренней и внешней церкви. По мнению князя, поскольку в человеке «есть вечный Божественный Дух, отсюда происходят два разных человека в одном: внутренний и внешний, существенно разнствующие один от другого, кои однако ... вместе составляют целого и полного человека»³⁵. В соответствии с существованием двух природ человека, существует и две церкви – «внешняя», т. е. традиционные религиозные организации, и «внутренняя», представляющая собой совокупность людей, недоступным рациональному пониманию способом объединенных в некий мистический союз во Христе. Значение «внешней церкви» было для А. Н. Голицына второстепенным. Они не видели фундаментальной разницы между направлениями христианства. Князь формулировал это следующим образом: «Пока мы живем на земле и обличены во внешнюю оболочку, мы должны принадлежать наружно к одной из христианских церквей до тех пор, пока у нас не будет пастыря и мы не составим одно стадо»³⁶.

После войны 1812 г. религиозным единомышленником А. Н. Голицына стал Александр I. В 1815 г. по его настоянию между монархами России, Австрии и Пруссии был заключен акт о Священном Союзе, который воспринимался российским императором в качестве ключевого документа периода его правления, открывшего новую эру в истории человечества – эпоху сотрудничества и мирного сожительства всех христианских народов³⁷. В одном из писем к Александру I А. Н. Голицын, полностью разделявший взгляды монарха, высказывался весьма определенно: «Сей акт нельзя не признать иначе как предуготовленным к тому обещанному царствию Господа на земле, которое будет яко на небеси»³⁸. Апофеозом внедрения мистических принципов в систему государственного управления Российской империи было создание в 1817 г. министерства духовных дел и народного просвещения, которое возглавил А. Н. Голицын. Начинается последователь-

³⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 203. Д. 13. Л. 3.

³¹ См.: Минаков А. Ю. К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма // Клио. 2003. № 3 (22). С. 26 – 31.

³² См.: Юнг-Штиллинг И. Г. Победная Повесть. СПб., 1815.

³³ Голицын А. Н. Письма к различным лицам // Русский архив. 1905. Кн. 3. С. 398.

³⁴ Там же.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 203. Д. 13. Л. 39.

³⁶ Голицын А. Н. Письма к различным лицам // Русский архив. 1905. Кн. 3. С. 369.

³⁷ См.: Зорин А. Л. Кормя двутлавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

³⁸ Голицын А. Н. Указ. соч. С. 54.

ное воплощение в жизнь тех идей, которым князь следовал и в своей частной религиозной жизни. Это означало принижение роли православной церкви в системе государственного управления.

Именно поэтому отношение Голицына к православию приобретает в эти годы особую важность. Он отличался от многих мистиков и масонов, настроенных по отношению к православию индифферентно, а подчас и враждебно. В связи с этим можно вспомнить свидетельства ряда современников, в частности, П. П. фон Геце, считавшего князя верным сыном своей церкви. Кроме того, А. Н. Голицын сохранял хорошие отношения с людьми, верность которым православию несомненна. Среди них был архимандрит, а впоследствии митрополит Московский Филарет (Дроздов), принимавший деятельное участие в ряде связанных с А. Н. Голицыным проектов.

Интересным проявлением интереса А. Н. Голицына к православию были его взаимоотношения с архимандритом Фотием (Спаским) – одним из наиболее известных и последовательных православных консерваторов. В 1822 – 1824 гг. князь тесно общался с Фотием, несмотря на то, что тот был представителем враждебного политического лагеря. Опубликована их переписка, в которой А. Н. Голицын писал о своих мистических переживаниях. О характере их взаимоотношений исследователи задумывались давно. Еще автор предисловия к переписке Голицына с Фотием ставил этот вопрос: «Как понимать ... обращения Голицына к Фотию за душеспасительными советами и столь доверчивые и нежные излияния им своих благочестивых чувствований? Простодушным ли недомыслием различия между тем пониманием религии, которого представителем является Фотий, и тем служением мистицизму, которому отдался министр духовных дел? или это было с его стороны одно ловкое лицемерие..?»³⁹. Однозначного решения данной проблемы исследователи не предложили и впоследствии.

На наш взгляд, в отношениях А. Н. Голицына и Фотия искренний интерес и политический расчет соседствовали. Отношения А. Н. Голицына с архимандритом были во многом схожи с его отношениями с другими религиозными деятелями. В его письмах к Фотию было много туманных рассуждений в мистическом духе и эсхатологических предчувствий, которые в тот период действительно очень занимали князя. Пусть и в меньших объемах, но встречаются в них и следы экуменической идеологии. К примеру, опечаленный тем, что идеология Священного Союза не оправдывала возложенных на нее ожиданий, князь сетовал Фотию: «между христианами разделение вместо согласия, которого мне желалось»⁴⁰.

Недоумение исследователей по поводу близких отношений Голицына и Фотия объясняются тем, что в эти годы между А. Н. Голицыным и консервативной частью православного духовенства наметились разногласия. Их причиной было то, что «православную оппозицию» (термин историка Ю. Е. Кондакова) не устраивал статус православной церкви в новых политических условиях. Как правило, власть в лице А. Н. Голицына реагировала на проявления оппозиционности очень жестко. Наиболее характерным примером этого может служить знаменитое «дело Станевича».

Внешняя канва этого сюжета такова. Е. И. Станевич, литератор-архаист, написал книгу «Беседа на гробе младенца», в которой с православно-консервативных позиций подверг критике правительственный мистицизм⁴¹. Книга была направлена в петербургскую духовную цензуру, которая стараниями цензора архимандрита Иннокентия (Смирнова), симпатизировавшего «православной оппозиции», пропустила ее в печать. После этого, по настоянию А. Н. Голицына, архимандрит Иннокентий был формально повышен, а фактически отправлен в ссылку – он был назначен епископом в Пензу.

В контексте взглядов А. Н. Голицына на православие любопытна мотивировка, с которой он добивался цензурного запрета книги Е. А. Станевича. По его мнению, автор книги совершенно напрасно «судит, кто более прав, Святой Иоанн Златоуст или святой Августин, и отдает преимущество Златоусту потому только, что он Восточной церкви,

³⁹ Барсов Н. И. Архимандрит Фотий и князь А. Н. Голицын // Русская старина. 1882. № 3. С. 277.

⁴⁰ Письма А. Н. Голицына к архимандриту Фотию // Русская старина. 1882. № 4. С. 220.

⁴¹ См.: Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 282.

хоть в проповедях и в сочинениях духовные особы часто указывают на Августина»⁴². А. Н. Голицын, будучи экуменистом, считал православную апологетику не только ненужной, но и вредной сферой деятельности, и отрицал право православных деятелей на защиту основ собственного вероучения.

Вражда между А. Н. Голицыным и консервативной частью православного духовенства была одной из причин того, что в 1824 г. князь был отправлен в отставку, а мистический эксперимент был прекращен. После этого князь прожил еще 20 лет и умер в 1844 г. Следует отметить, что религиозные убеждения А. Н. Голицына в последние десятилетия его жизни не претерпели существенных изменений. Он продолжал общаться с кружком близких к себе и мистически настроенных людей, куда вплоть до смерти в 1827 г. входил таинственный «серый кардинал», религиозный наставник князя Р. А. Кошелев, а также княгиня А. Б. Голицына, княгиня С. С. Мещерская, А. И. Ковальков, В. М. Попов, П. Д. Маркелов и Ю. И. Бартенев⁴³. Также известно, что в середине 1830-х гг., основываясь на пророчествах Юнга-Штиллинга, А. Н. Голицын ожидал второго пришествия Христа⁴⁴.

Как и в годы политического могущества, Голицын продолжал с повышенным вниманием относиться к различным пророкам и ясновидящим. Так, незадолго до смерти князь подпал под влияние некой «девицы Маурер», которая пророчествовала ему о том, «что внутренняя сила христианства неминуемо перейдет из Западной Церкви в Восточную и что в России разрешатся разные вопросы мировой истории»⁴⁵.

Если суммировать вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. Религиозные взгляды А. Н. Голицына не всегда поддаются однозначному толкованию: слишком мало он писал об этом, кроме того, зачастую он выступал не как мыслитель, а как политик-практик, что накладывало отпечаток на его деятельность. В личности А. Н. Голицына были уникальным образом органично соединены крупный государственный деятель и мистик. Такое было возможно только в первой четверти XIX века, когда шел поиск алгоритмов взаимодействия поликонфессионального государства и религиозных организаций, который порой принимал весьма экстравагантные формы.

THE EVOLUTION OF RELIGIOUS BELIEFS PRINCE A. N. GOLITSYN

E. U. NAZARENKO

Voronezh State University

e-mail: enazarenko.vrn@mail.ru

The article is devoted to the establishment and development of religious views Alexander Nikolaevich Golitsyn, for twenty years, during the reign of Alexander I, who was a key figure in the sphere of management by Church organizations. It is shown that in different periods of defining concepts for the religious beliefs of the Prince were: philosophy of Enlightenment, the teaching of the Orthodox Church, and, finally, universal mystical Christianity. The article analyses the various elements of the worldview Golitsyn, and shown the impact mystical views Prince had in his state activities.

Key words: Orthodoxy, mysticism, quietism, pietism, ecumenism, eschatology, the Holy Synod, the Ministry of religious Affairs and people's education.

⁴² Цит. по: Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894. С. 198.

⁴³ Кондаков Ю. Е. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в конце XVIII – первой четверти XIX века. СПб., 2011.

⁴⁴ Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 46.

⁴⁵ Там же. С. 608.